DOI: 10.22394/2304-3369-2020-6-15-27 ВАК: 22.00.08

СОЦИОКОНСТРУКТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ТРЕНДАМИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ

Н.М. Лавренюк[1 a,b]

[a]Башкирский государственный университет
[b]Институт стратегических исследований Республики Башкортостан

АННОТАЦИЯ:

Актуальность обусловлена процессами дистанцирования и усугубления социального неравенства в российском пространстве, а также противоречием между формализацией стратегического развития муниципальных образований и степенью вовлечения в него местных сообществ. В статье дается оценка видению жителей, которые участвовали в форсайтах, трендов развития муниципальных образований.

Конкретная **научная задача** направлена на поиск технологии социоконструктивного управления, которая способна разрешить указанное противоречие на основе определенных трендов, для нормализации и оптимизации развития муниципальных образований.

Методологическая база представлена систематизацией материалов такта «Тренды» в серии форсайтов в модификации технологии Foresight Rapid 4.0 с применением концептуальной матрицы социоконструктивного управления и подкреплением выводов обобщенным анализом данных социологических исследований.

Новизна результатов: 1) выделены виды социального управления, а именно социоконструктивное и социодеструктивное, со своими предметными полями; 2) типологизированы тренды по модулям, которые позволили обобщить видение развития изнутри 22 муниципальных районов в 2018 году; 3) предложена технология работы с трендами в рамках разработки проектов стратегий развития муниципальных образований.

Выводы: 1) участники форсайтов определили, что ключевой вызов развитию – потеря высококвалифицированных кадров из-за миграции в высокоурбанизированные центры; 2) ключевое преимущество в конкуренции за качественные человеческие ресурсы заключается в сохранении этнокультурной идентичности, в развитии землячества и социального активизма; 3) ключевое условие успеха кроется в разрешении противоречий в сфере труда и занятости между созданием рабочих мест низкой квалификации и запросом на рабочие места с высокой квалификацией, между коллективными формами труда и самозанятостью, между возможностями фриланса и неразвитыми компетенциями. Эти обстоятельства нашли отражение в стратегиях социально-экономического развития муниципальных районов до 2030 года. Однако владельцы процесса – местные органы власти – работают на вклад в достижение целевых показателей, которые определены в стратегии региона. Участие местных сообществ в большинстве случаев остается в рамках проведенных форсайтов.

Перспективы изучения очерчены кругом вызовов для системы стратегического управления в целом: выявление, идентификация и мониторинг трендов деструктивного характера; поиск технологий перевода из латентного в явный тренд; поиск инструментов перевода из деструктивного в конструктивное состояние по принципу минимакса.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья выполнена по теме НИР в рамках выполнения Госзадания «Территориальные особенности социально-демографических процессов в Республике Башкортостан».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социоконструктивное управление, тренды, стратегическое развитие, форсайт, муниципальное образование, местные сообщества.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лавренюк Н.М. (2020). Социоконструктивное управление трендами стратегического развития муниципальных районов // Вопросы управления. № 6. С. 15–27.

[1]ORCID: 0000-0002-4843-4161

© Лавренюк Н.М., 2020

Постановка проблемы и ее связь с важными научными и практическими заданиями

Анализ последних исследований и публикаций по теме статьи показал высокий интерес специалистов к стратегическому развитию муниципальных образований разного статуса. Актуальные вопросы развития муниципальных образований при поддержке РФФИ исследуют Е. М. Бухвальд и Н. В. Ворошилов [1], К. С. Афанасьев [2]. Ю. Н. Лапыгин и А. А. Балахина разрабатывают инструменты построения совокупности целей стратегического развития муниципальных образований [3]. Т. С. Романишина анализирует условия формирования муниципальных программ территориальных изменений. В числе актуальных тенденций развития территориальных систем – «усилении роли системы качественного управления в создании равнодинамических территорий с признаками устойчивого развития с учетом зависимости от классической теории цикличности развития социально-экономических процессов территории» [4, 5].

Исследование трендов и вопросов конструирования реальности в социальном управлении связаны с переходом к конструированию социального мира с помощью технологий управления в контексте анализа знания, характерного для повседневной жизни со свойственной ему типизацией [6]. Социологический подход к управлению трендами заключен в упреждающем воздействии через целеполагание и целедостижение извне и изнутри социальной системы.

Традиционные формы отношений между органами власти и управления и населением включают теперь новые формы обратной связи как в рамках внутригрупповых взаимодействий и позиционирования, так и в режиме разработки стратегий. Это требует модификации социального контроля [7]. «Только при условии организации социальной обратной связи, где главным фигурантом становятся население и заинтересованные группы, результаты управления будут социально приемлемыми, а управление – действительно „умным“» [8, с. 80]. Каналы, инструменты и способы их применения для получения адекватной обратной связи различны. В нашем случае это стратегические форсайт-сессии.

Эффективность и институционализацию стратегического планирования и управления развитием исследуют С. Н. Большаков [9], С. А. Маковкина [10]. Я. Ю. Старцев изучает роль социальных технологий в развитии с точки зрения органов государственной власти [11]. К. Р. Селезнев занимается выявлением наиболее актуальных трендов в области управления проектами и возможность их применения на практике [12]. Процессы и тренды явного и латентного деструктивного содержания в мире, России и в регионах исследуют В. В. Лунеев [13], С. В. Егорышев [14, 15] и др. Мейнстрим деструкции в том, что «основные тренды изменений социальных неравенств в современном обществе, включая российское, состоят в механизмах включения различных социальных групп в решение значимых для них проблем экономики, власти, собственности и культуры» [16, с. 15]. В условиях неравенства, уровень которого, по выводам Н. И. Лапина, В. А. Ильина, М. В. Морева, экстремальный, основная опасность для консолидации российского общества кроется в росте влияния узкого слоя самых богатых граждан на социально-экономическую политику страны и ее регионов и отчуждения остальных граждан от влияния на эту политику [17].

«Системным признаком муниципальной реальности как особого слоя реальности является присутствие политического содержания в ожиданиях и действиях местных деятелей, их оппонентов и той среды их взаимодействий, которая выступает как единственный, признаваемый таковым и со стороны государства, и со стороны бизнеса, и со стороны гражданski организуемого сообщества, источник власти и властвования на поддающемся организации локальном уровне.» [18, с. 42] В трендах реализованных форсайтов прослеживается запрос на развитие инструментов муниципальной экономической, социальной, пространственной и культурной политики.

В качестве нерешенных ранее частей общей проблемы обозначим анализ содержания трендов и выявление технологических решений инклюзии местных сообществ в стратегическое развитие муниципальных районов. Из чего следует цель – выделить новые виды социального управления по критерию созидания и

(или) разрушения: социоконструктивное и социодеструктивное в пассивном и активном состояниях, – а также определить возможности и ограничения форсайта в стратегическом конструировании развития муниципальных образований на основе анализа трендов и ценностных ориентиров местных сообществ.

Смена парадигм социального управления с классической «субъект – объект» на неоклассическую «субъект – субъект» и постнеоклассическую «субъект – полисубъектная среда» [19] преобразует традиционные виды управления в обществе и порождает новые. Актуален запрос на ориентацию управленческой деятельности не просто на упреждение, а на совместную выработку стратегических перспектив коллективными субъектами, ориентируясь на «выявления скрытых закономерностей» и построения «социального барометра» [20]. Местные сообщества как социальные общности представляют совокупности людей с разными социальными статусами, интересами, опытом, определяющими социальные позиции. «Одновременно местное сообщество выступает и действует как целостное образование, как коллективный социальный субъект и создает социальный институт – институт местного самоуправления» [21, с. 172]. Цель создания в парадигме социального конструктивизма – выявление путей, с помощью которых индивидуумы и группы принимают участие в конструировании воспринимаемой ими реальности[2]. В фокусе пути создания людьми социальных феноменов, которые институциализируются и формализуются через установление «интеллектуальных автоматизмов» [22]. В статье такими феноменами выступают тренды, которые определены как нарастающие запросы жителей муниципальных районов на решение конкретных задач.

П. А. Сорокин обосновал положение о социальном пространстве как о геометрическом пространстве, а П. Бурдье применил топологический подход к его анализу. Суть социального пространства раскрывается через объективно существующие социальные связи разных групп субъектов. Специфическими системами связей в объективном социальном пространстве выступают различные социальные «поля» между разными позициями членов общества. Структурированные пространства таких позиций – «поле экономики», «поле религии», «поле политики» [6]. По такому принципу на форсайт-сессиях были выделены модули: «Человеческий капитал», «Экономический капитал», «Пространственное развитие», «Муниципальное управление и финансы».

Таблица 1 – Типы процессов социального взаимодействия

Table 1 – Types of social interaction processes

Вектор	**Сила**	
	активная	пассивная
Конструктивный	Активно-конструктивный	Пассивно-конструктивный
Деструктивный	Активно-деструктивный	Пассивно-деструктивный

Активность и пассивность, деструктивность и конструктивность – структурно-универсальные императивы построения отношений с окружением, которые в содержательном плане зависят от конкретных условий жизнедеятельности социальной единицы. Данное утверждение вытекает из «положения о видовом единстве людей» У. Джеймса об одновременном определенном сходстве каждого человека со всеми людьми и уникальности каждого. Векторы континуума (конструктивный и деструктивный) и сила (активная и пассивная) образуют в совокупности объект социального управления (табл. 1) с четырьмя предметными пространствами [23].

Соответственно выделим два вида социального управления – социоконструктивное и социодеструктивное в активном и пассивном состоянии. Активно-деструктивному деятельному пространству соответствует разрушение сложившихся и препятствие созданию новых ценных порядков. Пассивно-деструктивное пространство характеризуется бездействием и зависимостью от внешних обстоятельств, что обусловлено вариантами внутри установленных в социальной единице норм и ориентацией на патерналистскую позицию. Пассивно-конструктивному пространству соответствует позиция «молчаливого согласия» и избирательная продуктивность. Активно-конструктивное пространство характеризует-

[2]См.: https://socio.rin.ru/cgi-bin/article.pl?id=929 (дата обращения: 04.10.2020)

ся эффективной адаптацией, деятельное пространство содержательно означает создание новых порядков и активную поддержку ценностей в сложившихся [23].

Ни один из типов позиционных пространств взаимодействия не гарантирует стабильность и безопасность жизнедеятельности коллективному субъекту. Результаты взаимодействий могут приводить как к управляемому развитию, так и к росту неопределенности отношений в социальной единице, к потере управляемости локальной жизненной среды. Пространство содержит промежуточные и перекрестные варианты управляемости-неуправляемости, однако для интенсивного и стратегического развития социальных систем разного порядка более значим вид социального конструктивного управления с определённым созидательным содержанием. Ценностный смысл содержания конкретизируется жизненными представлениями о мире и о возможностях его преобразования социальными субъектами. Чем богаче этот ценностный смысл, тем сильнее источник энергии, проявляемой в активности управления и самоуправления. В связи с изложенным, допустимо определить социоконструктивное управление как целевую трансформацию и создание социальных систем созидания ценностей. Такие системы зависят от позиций, занимаемых агентами и согласованности их действий в стратегическом видении развития социальных пространств муниципальных образований.

Управление развитием муниципальных районов в регионах России регламентируется региональными стратегиями социально-экономического развития на период до 2030 года [24] на основе федерального закона от 28.06.2014 № ФЗ-172 «О стратегическом планировании в РФ». Определены основные методические рекомендации регионов для планирования развития муниципальных районов и городских округов[3]. Однако управление развитием муниципальных районов связано как с общими трендами, так и со специальными, уникальными. Наблюдается серьезный дисбаланс в стартовых ресурсах развития. Актуальны вопросы о видении и готовности местных сообществ и администраций к саморазвитию в текущих условиях. Ответы были получены в результате серии форсайтов.

Форсайт как открытое обсуждение членами экспертных команд совместных целей и способов их достижения для адаптации к ожидаемым изменениям внутренних и внешних условий [25] был реализован при участии автора по технологии Foresight Rapid 4.0 по версии Агентства стратегических инициатив. Он позволил достичь репрезентативных результатов в условиях дефицита времени[4]. Материалом для анализа стали «карты будущего» такта «Тренды». Согласно реализованной в 2018 г. в 22 муниципальных районах Республики Башкортостан серии форсайтов, все тренды сгруппированы в модули: «Человеческий капитал», «Экономический капитал», «Пространственный капитал», «Муниципальное управление и финансы». В каждом модуле выделены позитивные и негативные тренды с определением количественных изменений, а также общие, специальные и уникальные. Определены взаимоисключающие тренды, а также вызванные внутренними и внешними источниками. В итоге сформировано видение представителей местных сообществ изнутри на происходящие процессы в четырех направлениях развития. На площадках стратегических сессий автор статьи выступила в роли спикера, реализовала экспертное включенное наблюдение работы 22 рабочих групп, модерировала два форсайта с участниками из Балтачевского и Илишевского муниципальных районов, систематизировала результаты.

Форсайты проведены в августе 2018 г. в 5 муниципальных районных центрах, которые стали площадками для групп районов, объединенных по территориальному признаку: центр, юг, север, запад и восток. Для анали-

[3]См.: Методические рекомендации по разработке стратегий социально-экономического развития муниципальных районов (городских округов) Республики Башкортостан // URL: https://sterlibash.bashkortostan.ru/documents/active/149254/; Об утверждении методических рекомендаций по осуществлению стратегического планирования социально-экономического развития на уровне муниципальных образований (городских округов) Республики Татарстан : Приказ Министерства экономики Республики Татарстан от 18.12.2015 № 534 // URL: https://mert.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_424162.pdf.

[4]Методология Rapid Foresight 4.0. М. : Агентство стратегических инициатив. 2017. С. 4.

Таблица 2 – Матрица трендов по кластерам развития муниципальных районов

Table 2 – Matrix of trends by clusters of development of municipal districts

№	Кластеры трендов
Модуль 1 «Человеческий капитал»	
1.1	Демография (рождаемость, смертность, брачность, миграция)
1.2	Здравоохранение
1.3	Образование
1.4	Социализация
1.5	Цифровизация
1.6	Культура
1.7	Труд, занятость и доходы
Модуль 2 «Экономический капитал»	
2.1	Реальный сектор экономики
2.2	Туризм и санаторно-курортный отдых
Модуль 3 «Пространственное развитие»	
3.1	Организация
3.2	Связанность
3.3	Экология
Модуль 4 «Муниципальное управление и финансы»	
4.1	Муниципальное управление
4.2	Муниципальные финансы

за автору стали доступны первичные данные 13 из 22 форсайтов (59 %), в которых приняло участие 196 местных экспертов. Средняя наполняемость групп – 15 человек из числа представителей административной, экономической, общественной видов деятельности. Они выделили более 300 трендов, с которыми была проведена работа в несколько тактов.

Такт 1. После устранения повторов полученная информация была обобщена и использована в стратегиях муниципальных районов[5]. Выделенные участниками форсайтов тренды сгруппированы в матрицу (табл. 2).

Такт 2. Обобщенные тренды развития муниципальных районов систематизированы и представлены в модулях.

Модуль 1 «Человеческий капитал»

1.1. Демография: потеря демографических преимуществ из-за снижения численности и «качества» человеческого капитала из-за оттока молодежи.

1.2. Здравоохранение: снижение качества здоровья населения и рост заботы о нем в виде самосохранительных практик молодежи и пожилых при разрушительном поведении населения среднего возраста (алкоголизация, смерти по неосторожности, от несчастных случаев) на фоне дефицита врачей и среднего медицинского персонала.

1.3. Образование: в муниципальных районах есть не только отрицательные результаты реформирования системы образования, но и положительные эффекты от реализации одноименного национального проекта.

1.4. Социализация: поляризация местных жителей на успешных адаптантов с хорошим социальным капиталом и развитием компетенций добровольчества, участия в ТОС и Программе поддержки местных инициатив, и дезадаптантов, подверженных десоциализации, в т. ч. рост семей в статусе социального неблагополучия и социально-опасного положения. Рост разрыва между активностью лидеров общественного мнения и пассивностью остальных, ухудшение имиджа «сельский житель». На повестке – исчезновение сельской интеллигенции.

1.5. Цифровизация: информационные технологии и процессы глобализации пронизывают всю жизненную среду, формируют новую культуру отношений и форматы цифрового неравенства.

1.6. Культура: ускорение развития этнической идентичности, рост интереса к событиям этнокультурного содержания, что увеличивает частоту мероприятий, направленных на укрепление национальных традиций, и влечет к развитию культуры поведения на массовых мероприятиях. Одновременно снижается нравственное здоровье сельской молодежи и других возрастных групп из-за утраты культурных ценностей, обычаев, этно-языковых компетенций. Выделен тренд исламизации части населения, включая нетрадиционные направления.

1.7. Труд, занятость и доходы: в сельской местности остро стоит вопрос создания рабочих мест высокой квалификации и запрос на развитие культуры самозанятости. В отношении формирования доходов: хотят мало работать и много получать; наблюдается сокрытие доходов от налогообложения. Растет

[5]Стратегии социально-экономического развития муниципальных районов Республики Башкортостан: Альшеевского, Архангельского, Баймакского, Бакалинского и др. (Л. Р. Абзелилова, Э. Н. Багаев, Д. А. Барабанова, А. Д. Бикмаева, Ю. К. Акчулпанов, Л. В. Болотова ; под общ. ред. А. В. Янгирова. Уфа: Аэтерна, 2019.)

безработица в социальной и культурной сферах на селе.

Модуль 2 «Экономический капитал»

2.1. Реальный сектор экономики: расширение набора видов экономической деятельности при усилении монополии в доходных ВЭД; истощение сырьевой базы при росте производства сырья; вытеснение малого бизнеса корпорациями при росте ЛПХ из-за доступности земли; рост диспаритета цен в сельском хозяйстве.

2.2. Туризм и санаторно-курортный отдых: снижение конкрурентоспособности санаторно-курортного отдыха при росте событийного туризма и протоке «диких», самоорганизованных туристов.

Модуль 3 «Пространственное развитие»

3.1. Организация: одновременные процессы урбанизации (исчезновение малых деревень и рост реального укрупнения муниципальных районов) и дезурбанизации (рост малоэтажного строительства в I и II зонах агломераций). Рост благоустроенности и организации общественных пространств в одних населенных пунктах и неблагоустроенности в других. Рост разрыва между запросом в безопасной организации пространств и ее обеспеченностью (высокая пожароопасность в селах).

3.2. Связанность: обезлюдевание и исчезновение малых деревень при увеличении автомобилей и нагрузки на дороги. Отсутствие инженерных сетей в одних районах, избыток энергосистем – в других. Цифровое покрытие пространств. Рост кадастровой стоимости участков и спроса на землю, особенно в рекреационно-привлекательных местах.

3.3. Экология: рост загрязнения окружающей среды из-за повышения негативной нагрузки на экологию с изменением климата и высыханием рек Зауралья.

Модуль 4 «Муниципальное управление и финансы»

4.1. Муниципальное управление: высокая динамика изменений в законодательстве и административные трансформации в связи с укрупнением территориальных органов управления. Падение престижа муниципального служащего, рост дефицита средств, выделяемых на повышение квалификации муниципальных служащих и недовольства муниципальным управлением из-за неэффективного использования сырьевой базы в районах.

4.2. Муниципальные финансы: оптимизация бюджетной сферы, снижение инвестиций, финансирования программ поддержки молодых специалистов, уменьшение финансирования на содержание бюджетных учреждений и непропорциональный рост между расходами и доходами местного бюджета при увеличении налоговых и неналоговых доходов в отдельных образованиях.

Такт 3. Выделены часто дублируемые на разных площадках тренды:

1) в одних муниципальных районах наблюдается рост числа жителей, участвующих в общественной жизни, в других – снижение количества инициативных людей;

2) с одной стороны, наблюдается повышение благосостояния части населения, рост размера среднемесячной заработной платы, а с другой – рост безработицы и падение доходов населения, снижение платежеспособного спроса и ухудшение условий жизни;

3) в отдельных районах увеличивается число индивидуальных предпринимателей, а в других исчезает предпринимательское сообщество из-за оттока самых перспективных жителей.

Такт 4. В зависимости от позиции участников форсайтов в особую группу собраны неоднозначные тренды. Наибольшее их число в модуле «Человеческий капитал»:

1) рост вахтовой миграции и концентрация населения в районных центрах;

2) рост числа частных клиник, что положительно сказывается на качестве медицинских услуг при их недоступности для малодоходных групп населения;

3) сокращение малокомплектных школ: с одной стороны, это лишает детей в малых поселениях доступа к образованию, с другой – качество обучения в них невысокое, а содержание – экономически нецелесообразное;

4) увеличение числа пользователей социальных сетей среди жителей в районе, рост связанности коммуникаций, открытие доступа к услугам и товарам; снятие рисков одиночества, а также социальная дезориентация

в т. ч. из-за давления и манипулирования, которым подвергаются отдельные пользователи;

5) распространение технологий искусственного интеллекта с одновременным снижением возможностей внедрения новых информационных технологий из-за неразвитости компетенций и опасений оказаться ненужными на рынке труда;

6) изменение отношения молодежи к домам культуры и увеличение мест неорганизованного отдыха и досуга при сокращении мест организованного в условиях низкой обеспеченности культурными объектами и кадрами.

Общий вывод: диспаритет выявленных трендов развития в условиях растущего социального, экономического, культурного, цифрового неравенства. Этот диспаритет – признак «мятущейся цивилизации» с испытаниями всесилия и бессилия власти, личной воли и безволия, веры и безверия, могущества и слабости организаций, подвижности социального неравенства [16, с. 101].

Выводы о трендах, согласуются с общими выводами Е. М. Бухвальда и Н. В. Ворошилова [1] о неравномерности и разных условиях развития муниципальных образований; об усилении концентрации хозяйственной деятельности в городах и агломерациях; о существенной дифференциации по уровню и качеству жизни внутри одного региона, о слабой финансово-экономической самостоятельности; о том, что на устойчивости трендов сказываются проблемы функционирования местного самоуправления, включая дефицит высоко квалифицированных кадров в органах местной власти. Во-вторых, диспаритет позитивных и негативных трендов очерчивает круг вопросов для поиска решений социоконструктивного содержания и подтверждает актуальность выделенных видов социального управления.

Концепция социоконструктивного управления (табл. 3) основана на трансформации решения о последовательном переводе трендов из активно-деструктивного состояния в пассивное, из пассивно-деструктивного – в пассивно-конструктивное, а из него – в активное социоконструктивное управление. Основной инструмент – стратегические проекты с инновационным ценным зарядом.

Таблица 3 – Матрица алгоритма решений социоконструктивного управления

Table 3 – Algorithm matrix for decisions of socio-constructive management

Вектор	**Сила**	
	активная	пассивная
Конструктивный (позитивной направленности)	**4** Активно-конструктивный	**3** Пассивно-конструктивный
Деструктивный (негативной направленности)	**1** Активно-деструктивный	**2** Пассивно-деструктивный

Для такой трансформации трендов необходимо отталкиваться от общепризнанных ценностей через вывод решений в пространство активно-конструктивных преобразований, усиление мотивации и эффективности управления стратегическими процессами создания ценностей. Опыт социологических исследований, реализованных по моделям региональных выборочных совокупностей[6], показал, что более 75 % опрошенных ценят родной край за красивую природу, что отразилось и в миссиях районов, определенных участника-

[6]В 2012 г. задавался вопрос «Что именно для Вас ценно в регионе проживания?» (опрос проведен ИСППИ РБ методом анкетирования по месту жительства, выборка $N = 1000$ респондентов про программе «Социокультурная эволюция регионов России» (руководитель – Н. И. Лапин).

[7]Дизайн исследований: 1) «Разработка Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан»: Министерство экономического развития Республики Башкортостан, Институт социально-политических и правовых исследований АН Республики Башкортостан. Объект исследования – население РБ в возрасте от 18 до 75 лет. Выборка районированная по социально-экономическим зонам РБ, стратифицированная, с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по полу и возрасту. Объём выборки – 6300 человек. Метод исследования – самозаполнение бланка социологического опроса (анкеты). Сроки проведения полевых работ: июль–октябрь 2015 г.; 2) «Проблемы социально-демографического и социально-экономического развития Республики Башкортостан» – ГАНУ «Институт стратегических исследований РБ». Объект исследования – население РБ в возрасте от 18 до 75 лет. Выборка районированная по социально-экономическим зонам РБ, стратифицированная, с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по полу и возрасту. Объём выборки – 1000 человек. Метод исследования – самозаполнение бланка социологического опроса (анкеты). Сроки проведения полевых работ: июль–август 2019 г.

ми форсайтов. Исследования ГАНУ ИСИ РБ 2015 и 2019 годов показали[7], что в ценностно-нормативной сфере среди населения республики преобладают коллективистские ориентации. Ценности индивидуализма и свободы свойственны в большей мере молодежи и жителям столицы и других больших городов. С одной стороны, это указывает на ресурсы сохранения социальной стабильности и хороший социальный капитал, а с другой – на преобладание пассивного типа адаптации, что может стать препятствием для формирования новых моделей инновационного поведения, связанных с лидерством в развитии. Ценностные установки и ориентации определяют темпы и характер демографических естественных и миграционных процессов, а высокий уровень дифференциации городов и районов региона по уровню социально-экономического развития является ограничением для применения единой методологии стратегического развития, определенной нормативно-правовыми документами в РФ.

Выводы исследования и перспективы дальнейшего изучения социоконструктивного управления трендами стратегического развития муниципальных районов, сделанные по итогам форсайтов в Республике Башкортостан, в определенном смысле можно транслировать на пространство России. Во-первых, потому что в Башкортостане проживает более ста национальностей. Во-вторых, в выборку вошли 22 муниципальных района в числе которых районы в зоне влияния столичной агломерации, с районным центром – городом, с центром – ПГТ; остальные – с районными центрами селами, что репрезентирует основные виды муниципальных районов в стране. В-третьих, географически зонально представлен весь регион. Следует заметить, что север и северо-восток республики традиционно населяют преимущественно башкиры. Республика Башкортостан, благодаря своему геополитическому положению выполняет важную связующую, а может выполнять и интегрирующую роль во взаимодействии политноса России. В-четвертых, тренды модулей «Человеческий капитал» и «Экономический капитал» в сравнении с модулями «Пространственный капитал» и «Муниципальное управление и финансы» стали самыми обсуждаемыми. Во всех группах было выделено и обсуждено наибольшее количество трендов в этих направлениях с явным перевесом негативных, что актуально в целом для российского общества в условиях конкуренции за качественный человеческий и экономический капиталы. Представители местных сообществ четко понимают ключевой вызов развитию – потерю высоко квалифицированных человеческих ресурсов вследствие миграционного оттока в высоко урбанизированные центры региона и России. Осознают, что ключевое преимущество – сохранение этно-культурной идентичности и развитие землячества, социального активизма, а ключевое условие – разрешение противоречий в сфере труда и занятости между созданием рабочих мест высокой квалификации и сокращением с низкой, между коллективными формами труда и самозанятостью, что приводит к увеличению разрыва между богатыми и бедными.

В целом, апробация технологии *Rapid Foresight* с участием представителей муниципальных районов целевой группы, в которых шла разработка проектов стратегий социально-экономического развития на перспективу до 2030 года, позволила сформировать общее видение трендов, определить согласованный «образ будущего» с дифференцированным горизонтом на кратко-, средне- и долгосрочную перспективы.

Серьезный вызов для местных сообществ и администраций – управление на основе имеющихся компетенций и мотивации, т. к. контроль за исполнением стратегических документов ведется региональной администрацией на основе каскадированных в муниципальные образования значений целевых показателей стратегии социально-экономического развития региона. Поэтому актуальными для дальнейшего изучения станут вопросы, на какие из трендов можно повлиять изнутри и как; как оптимально развивать социоконструктивные возможности управления и компетенции местного сообщества; какие технологии движения от проблем к норме, к оптимуму, к идеалу по модулям процессов и трендов наиболее эффективны. Серьезный вызов для системы стратегического управления в целом – выявление, идентификация и мониторинг трендов

деструктивного характера, поиск технологий перевода из латентного в явный и инструментов перевода из деструктивного в конструктивное состояние.

Практическое значение полученных результатов в стратегическом развитии муниципальных районов можно отразить в технологии социоконструктивного управления работы с трендами для сохранения и создания ценностей заинтересованных в развитии муниципальных образований. Технология включает: 1) группировку и идентификацию выделенных трендов по модулям; 2) систематизацию трендов; 3) обобщение и распределение трендов внутри рамок; 4) определение неоднозначных и противоречивых; 5) поиск решений и инструментов социоконструктивного управления в группах сопутствующих трендов; 5) аудит ожидаемых результатов на соответствие общеразделяемым ценностям интересантов: стейкхолдеров и бенефициаров.

Результаты каждого такта алгоритма: 1) группировка трендов по содержательным модулям; 2) матрица трендов социоконструктивного управления; 3) выводы о масштабах, глубине и перспективах трендов в 4 полях матрицы социоконструктивного управления; 4) рабочие инструменты перевода трендов из состояния 1 – «Активно-деструктивного» в состояние 2, 3 и 4 – «Активно-конструктивное».

В перспективе – анализ и разработка технологии работы с трендами «извне» явного и латентного характера, как социодеструктивного, так и социоконструктивного содержания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бухвальд Е.М., Ворошилов Н.В. (2018). Проблемы развития муниципальных образований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11, № 1. С. 132–147. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.9.

2. Афанасьев К.С. (2016). Проблемы оптимизации системы стратегического планирования на муниципальном уровне // Экономика нового мира. № 3. С. 69–86.

3. Лапыгин Ю.Н., Балахина А.А. (2017). Стратегические цели муниципального развития // Вопросы управления. № 2 (45). С. 74–80. URL: http://journal-management.com/issue/2017/02/09.

4. Романишина Т.С. (2017). Факторы, условия и тенденции развития социально-экономических систем муниципальных образований // Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. № 4 (67). С. 159–166.

5. Романишина Т.С. (2017). Опыт развития социально-экономических систем муниципальных образований Московской области // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. № 2 (39). С. 81–85.

6. Гостенина В.И. (2015). Социальные тренды управления в условиях современной российской реальности // Динамика социальной реальности: российские и зарубежные тренды / А. О. Васильченко, С. П. Вертай, Э. Д. Коркия ; под ред. В. И. Гостениной. Брянск. С. 6–34. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25366983_32510659.pdf.

7. Назаренко С.В. (2017). Современный тренд социального контроля и управления: теоретическая интерпретация // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. № 1. С. 16–34.

8. Тихонов А.В., Богданов В.С. (2020). От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. Т. 46. № 1. С. 74–81. DOI: 10.31857/S013216250008325-0.

9. Большаков С.Н. (2019). Повышение эффективности государственного и муниципального управления на основе мониторинга стратегий социально-экономического развития // Вопросы управления. № 2 (57). URL: http://journal-management.com/issue/2019/02/10.

10. Маковкина С.А. (2018). Формирование института стратегического планирования в Российской Федерации: региональный аспект // Вопросы управления. № 6 (55). URL: http://journal-management.com/issue/2018/06/08.

11. Старцев Я.Ю. (2018). Социальные технологии как непризнанный фактор развития // Вопросы управления. № 6 (55). URL: http://journal-management.com/issue/2018/06/26.

12. Селезнев К.Р. (2019). Главные тренды современного управления проектами в 2019 году //

Вопросы управления. № 5 (60). URL: http://journal-management.com/issue/2019/05/09.

13. Лунеев В.В. (2005). Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М. URL: http://books.google.com/.

14. Егорышев С.В. (2015). Основы определения социальной эффективности правоохранительной деятельности // Вестник ВЭГУ. № 2 (76). С. 27–33.

15. Егорышев С.В. (2018). Правоохранительные органы Республики Башкортостан в противодействии криминальной девиации // Вестник ВЭГУ. № 6 (98). С. 48–57.

16. Козловский В.В., Браславский Р.Г. (2018). Цивилизационные тренды социальных неравенств в современных обществах // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 16. Отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый Хронограф. С. 80–103. URL: https://www.isras.ru/files/File/ezhegodnik/2018/25_Ejegod_2018-25.06_Kozlovsky.pdf. DOI: 10.19181/ezheg.2018.4/

17. Лапин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В. (2020). Экстремальные неравенства и социальное государство (часть 1) // Социологические исследования. Т. 46. № 1. С. 4–17. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2020/1/Lapin.pdf. DOI: 10.31857/S013216250008378-8.

18. Баранец С.Н. (2019). Конструирование социально-политической среды местного развития: возможности и ограничения региональной власти // Управленческое консультирование. № 12. С. 33–45. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-12-33-45.

19. Лепский В.Е. (2015). Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М. : «Когито-Центр». 107 с.

20. Зацаринный А.А., Ильин Н.И., Колин К.К., Лепский В.Е., Малинецкий Г.Г., Новиков Д.А., Райков А.Н., Сильвестров С.Н., Славин Б.Б. (2017). Ситуационные центры развития в полисубъектной среде // Проблемы управления. № 5. С. 31–42. URL: http://www.mathnet.ru/links/3ff63cda4a91b84aed90534c409ed3a3/pu1046.pdf.

21. Демчук Н.В. (2016). Концептуальный подход к анализу местных сообществ как разновидности социокультурного поля // Власть. Т. 24. № 7. С. 171–177. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnyy-podhod-k-analizu-mestnyh-soobschestv-kak-raznovidnosti-sotsiokulturnogo-polya/viewer.

22. Кирсанов К.А. (2003).Формализация решения творческих задач экономики интеллектуального труда : Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. Москва. 56 с.

23. Орлова Э.А. (2014). Концепция социального взаимодействия в контексте изучения социокультурной микродинамики // Обсерватория культуры. № 6. С. 4–16.

24. Марданов Р. [, и др.] (2018). Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года / Правительство Республики Башкортостан. Уфа. 158 с.

25. Нестик Т. (2018). Психологические аспекты корпоративного форсайта // ФОРСАЙТ. Т. 12. № 2. С. 78–90. DOI: 10.17323/2500-2597.2018.2.78.90.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Лавренюк Наталья Михайловна – кандидат социологических наук, доцент; Башкирский государственный университет (450076, Россия, Респ. Башкортостан, Уфа, ул. Заки Валиди, 32); Институт стратегических исследований Республики Башкортостан (450008, Россия, Респ. Башкортостан, Уфа, ул. Кирова, 15); nmlavr@yandex.ru.

SOCIAL CONSTRUCTIVE MANAGEMENT OF TRENDS IN THE STRATEGIC DEVELOPMENT OF MUNICIPALITIES

N.M. Lavrenyuk[8a,b]

[a]Bashkir State University
[b]Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan

ABSTRACT:

The topicality of the study is substantiated due to the processes of distancing and aggravating social inequality in the Russian context, as well as the contradiction between the formalization of the strategic development of municipalities and the degree of involvement of local communities in it. The article assesses the vision of residents who participated in foresights, trends in the development of municipalities.

A specific **scientific task** is aimed at finding a socio-constructive management technology that can resolve this contradiction through certain trends, to standardize and optimize the development of municipalities.

The methodological base is presented by systematization of the materials of the "Trends" tact in a series of Foresight Rapid 4.0 technology modification using the conceptual matrix of social constructive management and supporting the conclusions by the conclusion of a generalized analysis of sociological research data.

The novelty of the results: 1) the types of social control, namely social constructive and social destructive with their subject fields determined; 2) trends for the modules that allowed to generalize the vision of development from within the 22 municipal districts in 2018 are classified; 3) the work methods with the trends within the projects development of municipalities strategy elaboration are introduced.

Conclusions: 1) the foresight participants determined that the key challenge to development is the loss of highly qualified personnel due to migration to highly urbanized centers; 2) the key advantage in competition for high-quality human resources is the preservation of ethno-cultural identity, the development of community and social activism; 3) the key to success lies in resolving the contradictions in the field of labor and employment between the creation of low-skilled jobs and the demand for high-skilled jobs, between collective forms of work and self-employment, between freelance opportunities and undeveloped competencies. These circumstances are reflected in the strategies of socio-economic development of municipal districts until 2030. However, the owners of the process – local authorities – focus towards the contribution to the achievement of the targets that are defined in the region's strategy. In most cases, the participation of local communities remains within the framework of foresights.

Perspectives for the study are stipulated by challenges for the strategic management system as a whole: the detection, identification and monitoring of destructive trends; search of technology tools to transfer from a latent to an explicit trend; search of tools to transfer from a destructive to a constructive condition using the minimax principle.

FUNDING: The article is performed as an R&D topic within the framework of the State assignment "Spacial features of socio-demographic processes in the Republic of Bashkortostan".

KEYWORDS: social structural management, trends, strategic development, foresight, municipal entity, municipal communities.

FOR CITATION: Lavrenyuk N.M. (2020). Social constructive management of trends in the strategic development of municipalities, *Management Issues*, no. 6, pp. 15–27.

[8]ORCID: 0000-0002-4843-4161

REFERENCES

1. Bukhvald E.M., Voroshilov N.V. (2018). Problems of development of municipalities, *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, vol. 11, no. 1, pp. 132–147. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.9.

2. Afanasyev K.S. (2016). Problems of optimization of the strategic planning system at the municipal level, *Economy of the new world*, no. 3, pp. 69–86.

3. Lapygin Yu.N., Balakhina A.A. (2017). Strategic objectives of municipal development, *Management issues*, no. 2 (45), pp. 74–80. URL: http://journal-management.com/issue/2017/02/09.

4. Romanishina T.S. (2017). Factors, conditions and trends in the development of socio-economic systems of municipalities, *Bulletin of the East Siberian State University of Technology and Management*, no. 4 (67), pp. 159–166.

5. Romanishina T.S. (2017). Experience in the development of socio-economic systems of municipalities in the Moscow region, *Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Institute of Business*, no. 2 (39), pp. 81–85.

6. Gostenina V.I. (2015). Social trends of management in the conditions of modern Russian reality. In: Vasilchenko A.O., Vertai S.P., Korkia E.D., Gostenina V.I. (ed.). Dynamics of social reality: Russian and foreign trends. Bryansk, pp. 6–34. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25366983_32510659.pdf.

7. Nazarenko S.V. (2017). Modern trend of social control and management: theoretical interpretation, *Scientific review. Series 2: Humanities*, no. 1, pp. 16–34.

8. Tikhonov A.V., Bogdanov V.S. (2020). From "smart regulation" to "smart management": the social problem of digitalization of feedbacks, *Sociological Research*, vol. 46, no. 1, pp. 74–81. DOI: 10.31857/S013216250008325-0.

9. Bolshakov S.N. (2019). Improving the efficiency of state and municipal management on the basis of monitoring strategies for socio-economic development, *Management Issues*, no. 2 (57). URL: http://journal-management.com/issue/2019/02/10.

10. Makovkina S.A. (2018). Trends of formation of a strategic planning system in the russian federation: regional aspect, *Management Issues*, no. 6 (55). URL: http://journal-management.com/issue/2018/06/08.

11. Startsev Ya.Yu. (2018). Social processing techniques as an unacknowledged development factor, *Management issues*, no. 6 (55). URL: http://journal-management.com/issue/2018/06/26.

12. Seleznev K.R. (2019). Main trends of modern project management in 2019, *Management issues*, no. 5 (60). URL: http://journal-management.com/issue/2019/05/09.

13. Luneev V.V. (2005). Crime of the XX century: global, regional and Russian trends. Moscow. URL: http://books.google.com/.

14. Egoryshev S.V. (2015). Fundamentals of determining the social efficiency of law enforcement, *Bulletin of VESU*, no. 2 (76), pp. 27–33.

15. Egoryshev S.V. (2018). Law enforcement bodies of the Republic of Bashkortostan in counteracting criminal deviation, *Bulletin of VESU*, no. 6 (98), pp. 48–57.

16. Kozlovsky V.V., Braslavsky R.G. (2018). Civilizational Trends of Social Inequalities in Modern Societies, *Reforming Russia: Yearbook*, Issue 16. Resp. ed. M. K. Gorshkov. Moscow, New Chronograph, pp. 80–103. URL: https://www.isras.ru/files/File/ezhegodnik/2018/25_Ejegod_2018-25.06_Kozlovsky.pdf. DOI: 10.19181/ezheg.2018.4/.

17. Lapin N.I., Ilyin V.A., Morev M.V. (2020). Extreme inequalities and the welfare state (part 1), *Sociological research*, vol. 46, no. 1, pp. 4–17. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2020/1/Lapin.pdf. DOI: 10.31857/S013216250008378-8.

18. Baranets S.N. (2019). Constructing the Socio-Political Environment of Local Development: Opportunities and Limitations of Regional Power, *Management Consulting*, no. 12, pp. 33–45. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-12-33-45.

19. Lepskiy V.E. (2015). Evolution of ideas about management (methodological and philosophical analysis). Moscow, "Kogito-Center", 107 p.

20. Zatsarinny A.A., Ilyin N.I., Kolin K.K., Lepsky V.E., Malinetskiy G.G., Novikov D.A., Raikov A.N., Silvestrov S.N., Slavin B.B. (2017). Situational development centers in a polysubject environment, *Management problems*, no. 5, pp. 31–42. URL: http://www.mathnet.ru/links/3ff63cda4a91b84aed90534c409ed3a3/pu1046.pdf.

21. Demchuk N.V. (2016). Conceptual approach to the analysis of local communities as a kind of socio-cultural field, *Power*, vol. 24, no. 7, pp. 171–177. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnyy-podhod-k-analizu-mestnyh-soobschestv-kak-raznovidnosti-sotsiokulturnogo-polya/viewer.

22. Kirsanov K.A. (2003) Formalization of the solution of creative problems in the economics of intellectual labor. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow. 56 p.

23. Orlova E.A. (2014). The concept of so-

cial interaction in the context of studying sociocultural microdynamics, *Observatory of Culture*, no. 6, pp. 4–16.

24. Mardanov R., et al. (2018). Strategy of socioeconomic development of the Republic of Bashkortostan until 2030 / Government of the Republic of Bashkortostan. Ufa, 158 p.

25. Nestik T. (2018). Psychological aspects of corporate foresight, *FORSIGHT*, vol. 12, no. 2, pp. 78–90. DOI: 10.17323/2500-2597.2018.2.78.90.

AUTHORS' INFORMATION:

Natalya M. Lavrenyuk – Ph.D. of Sociological Sciences, Associate Professor; Bashkir State University (32, Zaki Validi St., Ufa, Bashkortostan, 450076, Russia); Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan (15, Kirov St., Ufa, Bashkortostan, 450008, Russia); nmlavr@yandex.ru.